

В.М.Давыдов, А.Ю.Степанов

Стержневые детерминанты регионального прогностического сценария

**Глобальная технологическая трансформация и новая
парадигма военного дела**

Авторы полагают, что при ближайшем рассмотрении стержневыми детерминантами регионального прогностического сценария являются глобальная технологическая трансформация и смена парадигмы военного дела, геэкономическая дивергенция как результат геополитической конфронтации и радикальные сдвиги в демографической матрице региона. В данной статье рассмотрены первая и вторая из них. В Латинской Америке, где сохраняются признаки периферийности, будет сказываться фазовое запаздывание технологического обновления, осложняемое многоукладностью социума и экономики. Латино-Карибская Америка (ЛКА) в определенной степени остается в стороне от основной линии геополитического противостояния, но вместе с тем революция в военном деле окажет влияние на развитие латиноамериканских государств. Речь идет об изменениях на региональном рынке военной техники, а также об эволюции функционального использования вооруженных сил.

Ключевые слова: Латино-Карибская Америка, детерминанты развития, технологическая трансформация, парадигма военного дела.

DOI: 10.31857/S0044748X0028572-8

Статья поступила в редакцию 05.06.2023.

Владимир Михайлович Давыдов — член-корр. РАН, научный руководитель ИЛА РАН, президент Ассоциации исследователей иbero-американского мира (РФ, 113035, Москва, ул. Б.Ордынка, д. 21/16, davydov@ilaran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3053-5087>); зав. кафедрой экономического ф-та РУДН (РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); **Александр Юрьевич Степанов** — старший научный сотрудник ИЛА РАН (113035 Москва, ул. Б.Ордынка, д. 21/16, alexilaran@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3312-3328>).

Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Наше время явно не благоприятствует тому, чтобы делать долгосрочные прогнозы: слишком много радикальных перемен в ключевых параметрах развития, в расстановке сил на мировой арене, в соотношении главенствующих (часто экзистенциальных) императивов. Причем задача не упрощается тем, что она относится к отдельному сегменту мирового сообщества, в данном случае латиноамериканскому.

Мы исходим из того, что мировая экономика и система международных отношений вошли в продолжительный переходный период, обусловленный, в первую очередь, беспрецедентной по глубине и охвату технологической трансформацией. Она не повторяет феномен промышленных революций прошлого, носит интегральный характер и реализуется через механизм «сообщающихся сосудов». Интегральная технологическая трансформация сопровождается дестабилизацией, разбалансированностью глобального контекста, которая во многом обусловлена выходом на передний план геополитической конфронтации. Более того, события последних лет отчетливо показывают, что геополитический фактор сегодня превалирует, часто блокируя естественные геоэкономические процессы.

Важнейшая особенность переходной макротрансформации нашего времени тесно связана с новой парадигмой военного дела. Она неизбежно сопровождается сменой «поколения» военной техники и ее инфраструктурного обеспечения. Наступающий раунд гонки вооружений реализуется тогда, когда прежние структуры и нормы поддержания стратегической безопасности оказались демонтированы, главным образом по произволу Вашингтона. Увы, в обеспечении стратегической безопасности возник своего рода вакуум.

Тема стратегической безопасности сегодня выносится на передний план самой историей. Озабоченность ею не минует никого на нашей маленькой планете. Но для стран латиноамериканского региона, географически удаленного (как правило) от основных очагов конфронтации и проявившего устойчивый иммунитет к межгосударственным вооруженным конфликтам, эта тематика обладает существенным своеобразием.

Пытаясь оценить долгосрочные тенденции, нельзя обойтись без интерпретации глобализационных процессов — тех, что породили эйфорию прогресса с начала XXI в. Сегодня стержень этих процессов надломился. Это в основном произошло под воздействием усиливающейся геополитической конфронтации. Между тем на практике процесс глобализации не отменяется. Он модифицируется, распадаясь на определенные сегменты. При этом весомую роль в разграничении сегментов играет (опять же) геополитический фактор. Итак, каков результат? Уместен образ устья многоводной реки. Иначе говоря, глобализация распадается на рукава в широкой дельте.

Наконец, обращая внимание на ключевые детерминанты, мы хотим опереться на прогностические представления относительно изменений в составе основных социумов региона. Свою позицию мы, наверное, сможем аргументировать изменением демографической динамики, продолжением сдвигов в социальной стратификации, включая восходящую роль средних слоев и связанную с ними мутацию политической культуры.

Ну, а для ясности нашего изложения предупреждаем: событийную канву и конфигурацию ключевых трендов мы попытаемся характеризовать,

разделяя прогнозный период (горизонт 2040 г.) на два, оперируя тем, что можно ожидать в первое десятилетие и что — во второе.

По тематике, относящейся к сочетанию и соотношению глобализационных процессов и тенденции регионализации, а также к структурным сдвигам демографической ситуации, авторы адресуют читателей к статье по указанной проблематике, которая вскоре также появится на страницах журнала «Латинская Америка». В исследовательской работе ИЛА РАН эти научные материалы являются двумя частями одного цикла прогностических разработок.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТРАЖЕННЫМ СВЕТОМ

Справедливо считается, что в основе глобальной трансформации нашего времени лежит смена технологической парадигмы. Пожалуй, раньше других к осознанию этого факта подошли коллеги из Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова Российской академии наук [1].

Чем обусловлена смена парадигмы? Ее практика обязана действию большой совокупности новшеств, включающих нано- и биотехнологии, воспроизведение (клонирование) в формате 3D, переход на возобновляемые источники энергии, выход на авансцену хозяйственной активности компьютерной обработки информационных потоков и, вообще, широкого применения телекоммуникаций. Пафосно говорят сегодня о грандиозных перспективах искусственного интеллекта, не находя понятных очертаний его применения. Все это происходит на фоне всеобщей цифровизации экономики и общества, предполагается преобразование бытовой сферы.

Отсюда следуют сомнения в адекватности трактовок, в рамках которых дело сводится к очередной промышленной революции. Такова позиция основателя Давосского форума Клауса Шваба [2]. В его бестселлере речь идет о «четвертой промышленной революции». Видный американский экономист Джереми Рифкин, описывая, по сути, тот же феномен, называет его «третьей промышленной революцией» [3]. Расхождение в нумерации, по всей видимости, объясняется выбором точки отсчета. Но не в этом суть. Нет никаких понятных аргументов для сведения рассматриваемого феномена лишь к промышленному перевороту. Выгодно отличается, на наш взгляд, интерпретация мексиканского ученого Хосе Рамона Лопеса-Портильо Романо, который пишет о неординарности нынешней глобальной трансформации, о беспрецедентном охвате ею производственного, общественного и личностного бытия, о глубине развернувшейся перестройки [4]. Поэтому в финале своей книги Лопес-Портильо Романо делает вывод о вступлении в «великий исторический переход». Эту формулу, кстати, хорошо приняли эксперты Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибов. В своих концептуальных разработках последнего времени они исходят из феномена «смены эпох».

Предстоящее десятилетие не ассоциируется в ЛКА с активным технологическим обновлением, во всяком случае происходящем в том ритме, в котором это будет свойственно странам-лидерам. Но, конечно, императив модернизации, особенно на пути цифровизации, будет действовать весьма

настойчиво, прежде всего, в сфере финансовых услуг, а также в тех видах производства, которые тесно связаны с экспортными поставками на передовые рынки. Здесь, естественно, к технологическому обновлению будет подталкивать конкуренция с производителями из других регионов.

В силу неравномерного распределения плодов технического прогресса следует ожидать акцентирования тенденции к дифференциации латиноамериканских и карибских экономик, а также ее проявления в динамике отдельных секторов (и укладов) национальных хозяйственных систем.

Более масштабно и активно императив технологического обновления будет действовать во втором десятилетии прогнозного периода. В этом случае скажется традиционное фазовое запаздывание процессов технологического обновления в ЛКА, проверенное на многих предыдущих десятилетиях. Параллельно должны проявиться изменения в пропорциях спроса на те или иные виды ископаемых и растительных ресурсов. Логично предполагать, что на изменение внешнего спроса повлияют стандарты, связанные с переходом на платформу устойчивого развития. Требования рынка, ослабленные в первом десятилетии посткризисной конъюнктурой, могут компенсироваться жесткостью требований второго десятилетия, которая представляется логичной, учитывая явное отставание от нормативов достижения климатической нейтральности, консенсусно установленных в 2015 г. (Повестка 2030).

Можно ли в странах ЛКА первого эшелона ожидать повторения восходящей траектории развития, подобной той, которая продемонстрирована примером Южной Кореи? По мнению авторов статьи это, скорее, нереально, чем малореально. Слишком различны объективные условия и геополитические предпосылки на старте и в ходе упомянутого «исторического эксперимента». Но в некоторых случаях все же возможна траектория восхождения в более пологом варианте. Если не применительно к стране в целом, то относительно отдельных наиболее успешных секторов национальной экономики.

СМЕНА ПАРАДИГМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА

Что можно сказать о современной революции военного дела? Первое: в сферу военного действия вошел околоземный космос. Он смыкается с использованием воздушного пространства. Отсюда логично следует появление нового вида вооружений, где в свое время первенство принадлежало России. Второе: на порядок изменились скорости, дальности поражающего действия и точность попадания в цель ракетной техники и артиллерии. Отсюда — императив смены ориентиров в организации противоракетной и противовоздушной обороны. Третье: поражающий эффект конвенционального оружия приблизился к деструктивному действию ядерного. Четвертое: возвращается интерес к диверсификации боевых средств за счет биологического инструментария (так, как это обнаруживается в практике Пентагона). Пятое: имеет место широкое применение многоцелевых беспилотных средств. Шестое: роботизация на театре прямого боестолкновения, позволяющая поэтапно замещать живую силу [5].

Наконец, на наших глазах происходит смычка боевого действия с деструктивным эффектом невоенного (в традиционном смысле) инструмен-

тария. И здесь мы переходим на поле анализа, которое более или менее освоено в отечественной обществоведческой литературе. Речь идет о понятии «гибридная война», которое наполняется не только теоретическим содержанием. Оно, увы, подтверждается обильной практикой сегодняшнего дня, в том числе произволом санкционного давления и мифологизацией общественного сознания в стилистике «постправды».

Гибридная война, по сути, во многом соответствует понятию «война», хотя собственно войной в традиционном историческом понимании не является. При этом в отличие от конвенциональной войны в гибридной войне применение собственно вооруженной силы не оказывается единственным обязательным условием достижения победы над противником. Военная сила в гибридной войне применяется в сочетании с невоенными методами воздействия — операциями информационно-психологического подавления, подрывом экономики противника, попытками его изоляции и блокады с целью изнурения и подавления воли к сопротивлению, а также кибервойнами и, наконец, инструментами традиционной дипломатии.

Руководитель морскими операциями военно-морских сил США адмирал Джей Джонсон, один из разработчиков концепции сетецентрических боевых действий, назвал нынешний технологический переход «фундаментальным сдвигом от платфоцентричной к сетецентричной войне» [6]. Это, по его мнению, представляет собой самую кардинальную метаморфозу военной практики за последние двести лет. Разделяя пафос Дж.Джонсона, мы все же не склонны соглашаться с заявленным двухвековым сроком. По нашему убеждению, значение современной революции военного дела столь велико, что оно не нуждается в исторической «косметике».

Нужно подчеркнуть, что речь в данном случае идет об интегральном переходе, который включает в себя смену технологической парадигмы, а также сопряженную с ней революцию военного дела. Та, в свою очередь, модифицирует матрицу международной безопасности. В новых условиях категорическим императивом становится изменение экологического поведения и маршрутов международного экономического сотрудничества. Стартует энергетический переход, обусловленный технологической трансформацией. Все это сопровождается перестройкой рынка труда и соответствующей структурной модификацией социума. За всем этим неизбежно следует адаптация институциональной среды на национальном и международном уровнях. Адаптация, разумеется, затрагивает государство, остающееся пока одним из наиболее консервативных институтов. Затем адаптационная модификация сказывается на гражданском обществе и его отношениях с государством. Одновременно и неизбежно она вызывает модификацию корпоративной культуры. С другой стороны, стартуют сдвиги в системе международных отношений, предполагающие мутацию миропорядка, распространяющуюся на структуры глобального регулирования. Одни механизмы глобального регулирования подвергаются эрозии, другие пока еще «пробуют почву под ногами», третьи находятся в стадии «конструкторской разработки». Меняется состав и иерархия центров доминирования в мировой системе координат.

Межгосударственные конфликты в ЛКА немногочисленны и, как показывает прежний опыт, поддаются политико-дипломатическому урегулиро-

ванию. Очаги напряженности, чреватые вооруженными столкновениями, географически удалены, находятся за пределами региона. Внешняя политика латиноамериканских государств в большинстве своем характеризуется воздержанностью от военно-стратегического ангажемента со стороны великих мира сего.

Чем характеризуется ситуация в ЛКА, касающаяся преодоления рисков нарушения безопасности? Применявшиеся до сих пор схемы сотрудничества с НАТО недолговечны и практикуются, надо сказать, без верноподданнических настроений не только в массах, но и в элитах. Весьма показательно, что офицерские кадры, обучавшиеся в США, отнюдь не всегда сохраняют лояльность янки, подключаясь к тем, кто в военной среде придерживается левонационалистических настроений и видит свою ответственность в защите национального суверенитета. Не питая иллюзий относительно нейтральности носителей правоавторитарных настроений в военной среде, следует признать, что в нынешних условиях облик армии в странах ЛКА меняется. По мере утверждения демократических институтов армия все чаще воспринимается, во-первых, в качестве гаранта конституции, во-вторых, как один из инструментов защиты от последствий стихийных бедствий, преодоления экологических катастроф. В-третьих, — как «последняя инстанция» в усилиях государства и общества, направленных на подавление разгула криминала, который в ряде государств ЛКА на официальном уровне трактуется как прямая угроза национальной безопасности.

Конечно, трудно рассчитывать на забвение травм, нанесенных гражданскому обществу военными диктатурами в странах Южного конуса (1970—1980-е годы). Но все же время лечит, обновляется сам контингент офицерства, кадровые резервы пополняются выходцами из средних и малоимущих слоев. Соответствующее расширение и видоизменение функций вооруженных сил отражается на латиноамериканском рынке военной техники, вооружений и средств двойного назначения. Показательно, что спрос сдвигается в сторону продукции, не имеющей прямого боевого назначения.

Без учета отмеченных обстоятельств нельзя объективно оценить и адекватно понять изменения, касающиеся восприятия военных в обществе, их роль и потенциал влияния во внутривнутриполитических процессах. Мундир блюстителя олигархического порядка все чаще меняется на униформу офицера технических служб. На национальном уровне разнообразие функций вооруженных сил проявляется во все более широком диапазоне — от преодоления последствий природных бедствий и техногенных катастроф (Чили, Перу, Венесуэла) до участия в строительстве школ и больниц (Мексика) [5]. Иногда военные берут на себя функции гражданских служб и полицейских, в том числе в рамках антитеррористических и антикриминальных операций [7]. Ликвидация последствий стихийных бедствий, эпидемических заболеваний и техногенных катастроф также относится к числу приоритетных сфер использования латиноамериканских армейских подразделений, выполняющих, по сути, функции министерств по чрезвычайным ситуациям, что требует соответствующей технической оснащенности. Так, власти Перу на постоянной основе привлекают крупные контингенты

военнослужащих с использованием вертолетов Ми-8/17 для ликвидации разрушительных последствий ливневых дождей [8].

К началу XXI в. Латинская Америка превратилась в довольно перспективный и емкий рынок продукции военного назначения, привлекательный для основных производителей вооружения мирового уровня, в том числе и для России. Этому во многом способствовал комплекс сложившихся к началу столетия на региональном уровне факторов как геополитического, национального, так и финансово-экономического и промышленно-технологического характера. Наиболее важной тенденцией последнего времени стало дальнейшее (пусть и не всегда устойчивое) ослабление влияния США на внешнеполитический курс латиноамериканских государств — в целом и в процессе выбора внешних партнеров, в частности, военно-технического сотрудничества (ВТС) [9].

При относительно скромной покупательной способности лидеры субконтинента представляют значительный интерес для внерегиональных игроков. Ведь доминирование в сфере ВТС неизбежно ведет к долгосрочному региональному присутствию. Помимо исключительно экономической составляющей данный вид кооперации, разумеется, имеет значительный геополитический подтекст, который нельзя игнорировать, характеризуя национальную конкретику на ближайшую и отдаленную перспективу.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Глобальная перестройка. Под ред. А.А. Дынкина и Н.И. Ивановой. М., ИМЭМО РАН, 2014, 516 с. [Global'naya perestrojka. Pod red. A.A. Dynkina i N.I. Ivanovoj [Global restructuring]. Moscow, IMEMO RAN, 2014, 516 p. (In Russ.).]
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., Издательство «Э», 2017, 208 с. [Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya. [Forth Industrial revolution]. Moscow, Izdatel'stvo «E», 2017, 208 p. (In Russ.).]
3. Rifkin J. El Green New Deal Global. Paidos, Barcelona, 2019, 314 p.
4. Lopez-Portillo Romano J.R. La gran transición. Retos y oportunidades del cambio tecnológico exponencial. Fondo de cultura económica. México, 2018, 536 p.
5. Davydov V., Stepanov A. La revolución en el campo militar: experiencias de los países líderes y la especialidad latinoamericana. *Iberoamérica*. Moscow, 2023, N 1, pp. 5-30.
6. Спиридонов Т., Сивков К. Нечто большее, чем система обеспечения. *Top War*. 25.04.2014. [Spiridonov T., Sivkov K. Nechto bol'shee, chem sistema obespecheniya [Something more than a security system]. *Top War*, 25.04.2014. Available at: <https://topwar.ru/45360-nechto-bolshe-chem-sistema-obespecheniya.html> (accessed 01.11.2022) (In Russ.).]
7. Nuevo Hospital O'Horán: inician su construcción; ¿qué capacidad tendrá? *Diario de Yucatan*. 29.01.2023. Available at: <https://www.yucatan.com.mx/meri-da/2023/6/29/nuevo-hospital-ohoran-inician-su-construccion-que-capacidad-tendra-415410.html> (accessed 01.02.2023).
8. Vladímir M. Davydov, Aleksandr Y. Stepánov. La revolución en el campo militar: experiencias de los países líderes y la especificidad latinoamericana. *Iberoamérica*. Moscow, 2023, № 1, pp. 5-30.
9. Алексеева Т.А., Гореславский С.С. Военно-техническое сотрудничество России со странами Латинской Америки. Потенциал развития и факторы риска. *Латинская Америка*. М., 2020, № 9, сс. 24-46. [Alekseeva T.A., Goreslavskij S.S. Voенno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii so stranami Latinskoj Ameriki. Potencial razvitiya i faktory riska [Military-technical cooperation of Russia with Latin American countries. Development potential and risk factors]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, N 9, pp. 24-46 (In Russ.).]

Vladimir M.Davydov (davydov@ilaran.ru)

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director at the Institute for Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences
President of the Association for Researchers of the Ibero-American World

B.Ordynka Str, 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Head of Department, Faculty of Economics of P. LUMUMBA Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

Miklukho-Maklaya Str., 6, 117198 Moscow, Russian Federation

AlexandrYu.Stepanov (alexilaran@yandex.ru)

Senior researcher Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (ILA RAS)

B.Ordynka Str. 21, 115035 Moscow, Russian Federation

The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

Core determinants of the regional prognostic scenario. Global technological transformation and a new paradigm of military affairs

Abstract. The authors believe that, in the first approximation, the core determinants are: global technological transformation and a paradigm shift in military affairs, geo-economic divergence as a result of geopolitical confrontation and radical shifts in the demographic matrix of the region. In this article, the authors focused on the first and second topics. In Latin America, which retains signs of periphery, there will be a phase lag in technological renewal, complicated by the complexity of society and the economy. To a certain extent, the LCA remains aloof from the main line of geopolitical confrontation, but at the same time it does not escape the indirect impact of the military revolution. We are talking about changes in the regional market of military equipment, as well as the evolution of the functional use of the armed forces.

Key words: Latin-Caribbean America, determinants of development, technological transformation, a new paradigm of military affairs.

DOI: 10.31857/S0044748X0028572-8

Received 05.06.2023.